

Никита ДЕДКОВ

«КАК Я ДОКУМЕНТАЛЬНО УСТАНОВИЛ» ИЛИ «СМЕЮ УТВЕРЖДАТЬ». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин»

Ничто так не мешает видеть, как
точка зрения.

Дон-Аминадо

В наши дни, чтобы числиться в рядах демократических, современных, прогрессивных, мыслящих, – достаточно немного: надо лишь утверждать обратное тому, что говорилось лет десять назад. Способ этот безошибочен и общеупотребителен. Отказ от собственных взглядов, предание их поношению, замена их на прямо противоположные возведены в принцип и выставляются напоказ едва ли не как высшая гражданская доблесть. Верность себе и последовательность обречены быть предметом насмешек. Стоит только приглядеться внимательно – и окажется, что почти ничего нового, творческого не принесла с собой новая эпоха. Все строится на отрицании дня вчерашнего, все заимствуется во вчера, только вот знаки «плюс» и «минус» поменялись местами. Для творческой мысли, для обретения нового знания в этом процессе поразительно легко замены одной крайности на другую места просто не остается. Процесс «творчества» в сфере идеологической облегчился до предела: очередной догмат идеологии коммунистической обращается в свою противоположность – и результат налицо.

Удивительнее всего, что этот метод, при всей его общеупотребительности, доходящей до пошлости, все еще не исчерпал себя. Новые творения, новые «идеи», созданные по вышеуказанному рецепту, продолжают появляться и привлекать внимание. Историческая литература (хотя в основном это касается исторической публицистики) не стала исключением. Николай II из «Николая Кровавого» обратился в святого мученика; Белое Дело стало делом безусловно правым, и т. д., и т. п. А некто, заявивший, что вторую мировую войну начал Советский Союз, смог затмить всех, ибо вознамерился опровергнуть факт, который ни один здравомыслящий человек опровергать не стал бы. И вот – очередное явление в том же ряду. В книге Д.А. Волкогонова Ленин из «самого человечного человека» превратился в «великого грешника», в жестокого властолюбца, в злого гения России. Вероятно, дальше в деле разоблачения и отрицания коммунистической идеологии идти уже некуда. А потому стоит остановиться и задуматься: какими путями ведется сейчас переписывание истории, из каких источников черпают некоторые историки бескомпромиссную жестокость своих суждений.

«Научная гипотеза»

В исторической науке есть свои традиции, свои приличия, если угодно. Не вчера они родились, не во времена обязательного для всех исторического материализма, а гораздо раньше. Уважая своего читателя, давая ему возмож-

ность следить за ходом мысли, контролировать объективность, беспристрастность исследования, русские историки привычно начинали свои работы с постановки задачи, с анализа источников базы, с объяснения особенностей своей методологии, а завершали – выводами, всесторонне обоснованными в аналитической части исследования. Спору нет, любые условности в какой-то мере стеснительны, но культурный человек, и не выходя за рамки приличий, может оставаться естественным, а мастерство С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова и А.А. Корнилова и при соблюдении всех научных канонов позволяло им оставаться превосходными писателями.

Д.А. Волкогонов с первых же страниц своей книги все эти каноны отмечает как устаревший хлам, не объяснив, чем вызвано его новаторство. Уже в первой главе «Вместо введения. На экране истории» автор предлагает читателю ряд наиболее значительных своих выводов, сопровождая недвусмысленным заявлением о научном характере своей работы: «Все, что я сейчас написал о некоторых личных качествах, гранях личности Ленина (в данном случае Д.А. Волкогонов скромен, на первых двадцати страницах книги, помимо всего прочего дается оценка роли Ленина в отечественной и мировой истории. – Н.Д.), выглядит, возможно, не более как научная гипотеза, которую я, однако, постараюсь доказать на страницах книги». (1/21, здесь и далее ссылки на книгу Д.А. Волкогонова «Ленин. Политический портрет. В двух книгах». Кн. 1–2, М., 1994, даются в тексте в скобках. Первая цифра – номер тома, после дроби – номера страниц.)

Даже в физике гипотезы, как правило, проверяются: слово «доказательство» более уместно в отношении теорем. У гуманитарной же области научного знания – своя специфика. В исторической науке стремление доказывать некие априорные утверждения, и особенно, если речь идет об очередной интерпретации новейшей политической истории, свидетельствует скорее о пристрастности исследователя, нежели о его объективности. Для того, чтобы доказывать, не надо трудиться над отбором из безбрежного моря известных свидетельств и достоверных источников, не надо изучать всю совокупность установленных и проверенных исторических фактов, пытаясь понять, что же происходило на самом деле; достаточно отбирать и пересказывать то, что работает на «гипотезу», утверждая нелепое для «ученого», хотя, может быть, и приемлемое для вольного художника «право больше оттенять те или иные грани» в соответствии с собственным видением «натуры» (1/17). Д.А. Волкогонов желает творить по законам искусства, в то же время требуя к себе доверия как к представителю науки, забыв, что там, где художник или романист волен преображать реальность в соответствии с личным видением, ученый остается рабом действительности, его удел – поиск истины.

Вероятно, автору бывает очень трудно подавлять в себе влечение к свободному творчеству. Щедрой рукой занес он в разряд «научной гипотезы» «все, что сейчас написал», предоставив читателю самому отделять зерна от плевел. Введение построено как импровизированная устная речь: одна мысльцепляется за другую по чистой случайности; кажется, что сам автор не знает, о чем будет писать в следующий момент; речевой поток подхватил его и понес. От размышлений о сути ленинизма – к внешней политике Советской России; к рассуждениям о роли партии в советском обществе; и назад – к историческому краху ленинизма. Формулировать «гипотезу» Волкогонова приходится тому, кто намерен ее анализировать. И если вычленить из главы «На

экране истории» все достаточно значимые высказывания о Ленине и ленинизме, по возможности систематизируя их, то окажется, что в качестве гипотезы предложено приблизительно следующее (стиль и лексика автора сохранены):

Характеристика личности Ленина: «российский якобинец, начавший рыть глубокий могильный ров для эфемерного сияющего храма будущего (1/11), крупнейший революционер XX в. с сильным прагматическим умом, мощным интеллектом, огромной целеустремленностью и волей (1/17,30). Главный предмет его устремлений – власть над Россией, хотя к России и русским он относился непристойно (1/30–31). Определяющей чертой Ленина была фанатичная вера в коммунистическую Утопию, ради достижения которой он не останавливался ни перед чем (1/17–18)».

Характеристика ленинизма: «Ленин верно вскрывал все пороки человеческого бытия (1/13), хотел земного счастья для пролетариата, но считал возможным творить его на крови, насилии, несвободе (1/34). Центральная его идея – создание мощной революционной организации (1/14), он хотел, чтобы партия стала главным элементом нового государства (1/16). Ленин считал, что власть – это прежде всего диктатура (1/18), а диктатура пролетариата составляет основное содержание социалистической революции (1/12)».

Характеристика деятельности Ленина: «Ленин смог создать партию с жесткой организацией, а затем, повернув в 1917 г. штурвал судьбы в сторону силового разрешения проблем мира, земли, свободы, быстро вмонтировал ее в государственную систему (1/14). Сам Ленин не был диктатором в общепринятом смысле, предпочитал оставаться в тени, имея в своих руках диктатуру партии (1/18–19). В итоге было создано государство, характерными чертами которого была государственная эксплуатация, сословно-бюрократическое неравенство и тотальная идеологическая несвобода (1/13). Во внешней политике Ленин пытался инициировать революционные процессы в странах Востока и Запада (1/14) и заложил традицию тайных дел с Германией, продолженную Сталиным (1/20)».

Историческое значение ленинизма: «Дело Ленина потерпело историческое поражение (1/10). Ни один из глобальных прогнозов Ленина не оправдался (1/20). Материализация ленинских идей в России привела к огромному историческому отставанию (1/13), Россия осталась в хвосте исторического обоза цивилизации (1/28). Оказалась, что ленинская партия неспособна выжить в гражданском обществе, несовместима с демократией (1/15)».

К сожалению, многословное воспроизведение «гипотезы» – дело неизбежное. В тексте книги рассуждения Волкогонова теряются среди многочисленных цитат и примеров, систематизация их демонстрирует главное качество «научной гипотезы» – отсутствие действительно новых интересных идей. Достаточно присмотреться повнимательнее.

Фраза о российском якобинце, копающем могильный ров для храма будущего, вообще не поддается истолкованию; если о чем она и говорит, то только о правоте слов П.Я. Чаадаева: «Люди, всегда красно говорящие, никогда не бывают красноречивы»³. Да и слова о крупнейшем революционере, его уме, интеллекте и воле, вероятно, также могут быть причислены к гипотезе только по недоразумению: настолько расхожим и общепринятым является это утверждение. Личный вклад Волкогонова в характеристику Ленина можно сформулировать так: «Ленин – фанатик коммунистической идеи, не оста-

навливающийся ни перед чем на своем пути, стремившийся к власти над Россией, но не любивший ни Россию, ни русский народ». И ключевые, наиболее важные для Волкогонова слова этой фразы («фанатик», «не любивший», «не останавливающийся ни перед чем») дают наглядное представление о степени «научности» авторской концепции.

Где взять научный критерий, чтобы отделить фанатика от человека, увлеченного идеей? Как документально установить, что не останавливался действительно «ни перед чем»? Историку не дано ставить эксперименты, он не может на опыте проверять: «остановится – не остановится». Даже предполагать, «что было бы если» он, ежели только хочет оставаться в рамках строгой науки, не имеет права. История не знает сослагательного наклонения – эта фраза давно навязла в зубах, но что делать, приходится напоминать. «Фанатик», «ни перед чем» – не больше, чем громкие слова, подходящие для публициста, но не для историка, и выражают личное отношение автора к своему герою. Прикрывают же они собой трюизм: Ленин был увлечен коммунистической идеей, действовал во имя ее осуществления.

Строить концепцию на определениях типа «любил – не любил» (Россию, русский народ и т. д.) – занятие весьма неблагодарное. Особенно при такой аргументации, как у автора (раз уж Волкогонов считает возможным приводить решающие аргументы в процессе изложения гипотезы, то и нам не грех несколько отвлечься). Оказывается, в одном своем письме Ленин назвал русских «дураками и идиотами». Из контекста следует, что слова эти относились к вполне конкретным исполнителям конкретной работы, а само слово «русские» было использовано Лениным потому, что для данной работы он предполагал пригласить иностранцев. Автору же все ясно давно, он пишет: «подобное отношение Ленина к *руссости* (курсив мой. – Н.Д.) встречается у вождя многократно» (1/31), – и полагает, что вопрос закрыт – Ленин русский народ не любил.

Не касаясь в данном случае злоупотребления читательским доверием (дескать, есть у меня верные сведения, но откуда и какие я вам не скажу), заметим, что трудно придумать логику примитивнее той, на которой строится аргументация автора: раз хвалит – значит, любит, раз ругает – значит, не любит. Стоит только вступить на этот путь, и переписать всю историю русской общественной мысли не составит труда. Даже в архив идти не придется, настолько все известно, настолько все на слуху: «черт догадал меня родиться в России с душой и с талантом!» (А.С. Пушкин)⁴, «я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать» (П.Я. Чаадаев)⁵. Да и подозрительно «странный» любовь к Отчизне Лермонтова отчего бы не припомнить? Ведь логика неумолимо требует: любишь – хвали, хвали, хвали – и не смей ничего иного. А если эта логика порочна, если верна старинная русская пословица «кого люблю, того и бью», то где найти критерий для проверки любви-нелюбви, если порою самому человеку его любовь может казаться странной? Очередное умозаключение Волкогонова оказывается его личным мнением, никак не попадающим в научные рамки.

Многие положения «гипотезы» не только не могут быть доказаны – они еще и противоречат друг другу. С одной стороны – Ленин был фанатиком коммунистической идеи, с другой – для него не было ничего важнее власти. Возможно, для писателя это очень даже удобно: наделить героя двумя «глав-

ными» идеями и толковать его поведение то так, то эдак, в зависимости от ситуации. Жить только с такой разнонаправленной головой неудобно.

Примечательно, что в дальнейшем, при характеристике ленинизма, Волкогонов о коммунистической идеи едва ли не забывает, оставляя от нее только обличение пороков человеческого бытия, да желание земного счастья для пролетариата. «Главным» же, по мнению автора, для Ленина было создание мощной революционной организации, захват власти, установление диктатуры и превращение партии в «главный» элемент нового государства. Если забыть про социальную программу Ленина (что, кстати, вполне успешно делает автор, благо, что фраза о желании земного счастья для пролетариата звучит в соответствующем контексте как абстрактное пожелание «счастья, здоровья и всего самого наилучшего»), то за рассуждениями Волкогонова можно признать определенную логичность, не заходящую, впрочем, слишком далеко. Фактически, автор превращает Ленина в простого властолюбца, и, в конце концов, можно было допустить, что всю свою жизнь Ленин стремился именно к власти, ибо такое желание относится к разряду вполне человеческих слабостей. Но желание добьть власть для еще не созданной партии, а затем утвердить эту власть на десятилетия – это что-то фантастичное и трудновообразимое. Особенno, если учсть, что, как пишет автор, Ленин не стал диктатором, а пожелал остаться в тени, имея в руках диктатуру партии (1/18–19). Весьма изощренный способ для углления жажды власти, мучившей человека с младых ногтей – при том, что были и куда более простые способы.

«Гипотетические» оценки исторической деятельности Ленина далеко не новы, хотя ряд моментов и обращает на себя внимание. Так, достойны восхищения слова Волкогонова о том, что в 1917 г. Ленин «смог повернуть штурвал судьбы», т. е. в одиночку решить часть страны и народа. До гениальности простое решение вечного вопроса о роли личности в истории! Авторское представление о русском народе, позволяющем одному человеку манипулировать собой, стоит всех ленинских ругательств в адрес России. И столь же просто поступает Волкогонов, когда возлагает на Ленина вину за «государственную эксплуатацию, сословно-бюрократическое неравенство и тотальную идеологическую несвободу», ставшие характерными чертами советского государства. Между тем очевидно: чтобы возложить на Ленина ответственность за все, происходившее после его смерти, необходимо изучить всю историю Советского государства, никоим образом не замыкаясь на обсуждении наследия и деяний самого Ленина.

Раз уж автор любит цитировать в подтверждение своих рассуждений книгу Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», то не следовало бы умалчивать о том, что в некоторых вопросах первостепенной важности его личные взгляды и мнение философа расходятся коренным образом. «Большевизм же оказался, – писал Бердяев, – наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властования насилием (курсив мой. – Н.Д.)... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»⁶. Более широкая постановка вопроса позволяет Н.А. Бердяеву делать выводы прямо противоположные умозаключениям автора книги, старающегося не замечать саму возможность иного подхода.

Подкупает простота, с которой автор стремится возложить на Ленина ответственность за заключение печально знаменитого пакта о ненападении 1939 г. со всеми его дополнительными протоколами: ведь именно данное событие подразумевается под словами «этую (ленинскую. – Н.Д.) традицию тайных дел с Германией унаследовал и Сталин» (1/20). Автору вообще нравятся простота и ясность: у Ленина были тайные дела с Германией, и у Сталина тоже были – вот уже и традиция. И дела нет до того, что Германия бывает разная. Ленин имел дело с кайзеровской Германией Вильгельма II и с Веймарской республикой, Сталин же – с нацистским Третьим рейхом. Если же Волкогонов понимает под словом «Германия» некую национально-территориальную целостность, вне зависимости от образа правления, то точно также следует относиться и к понятию «Россия». А вот тогда окажется, что эту самую традицию «тайных дел с Германией» заложил никто иной как император Николай II, подписавший втайне даже от собственных министров (!) Берлинский договор с Вильгельмом II в июле 1905 года.⁷

О попытках оценить ленинизм с точки зрения мировой истории, вероятно, не стоило бы и говорить, если рассуждения на эту тему не звучали в книге столь навязчиво (см. например: 1/13, 37, 76, 125, 130 и т. д., и т. д.). Через 77 лет после революции говорить об историческом поражении дела Ленина, судить его с точки зрения всемирной истории просто-напросто некорректно. Возможно, Волкогонов полагает, что мировая история приблизилась к своему концу, но практика показывает, что прогнозы конца света, как правило, не сбываются. И уж коль скоро конец еще не грозит, то несомненно – 70, 80 и даже 100 лет – слишком краткие сроки, чтобы с их высоты выносить исторический приговор.

Вспомним хотя бы о судьбе Великой Французской революции. Через 77 лет после ее начала во Франции правил Наполеон III – Вторая империя. И вполне возможно, что какой-нибудь тогдашний историк в порыве любви ко своему императору столь уверенно мог говорить об «историческом крахе» республиканской идеи во Франции, не подозревая, как смешно будут спустя сто лет звучать его слова для граждан Французской Республики. Опасно ставить на карту свою незапятнанную репутацию в таких делах как долгосрочные исторические прогнозы.

Что же касается места России в «хвосте исторического обоза цивилизации» – то это опять-таки не более чем личное мнение автора (которое он, правда, пытается выдать за общеизвестную истину), свидетельствующее о его приверженности к вполне марксистскому представлению о линейном однонаправленном развитии мировой цивилизации, слишком упрощающему мировой исторический процесс.

Иллюстрирование как метод исторического исследования

«Я пишу не биографию (сколько их уже создано, почти одинаковых!), а портрет этого человека...» (1/39) – объявляет Д.А. Волкогонов задачу своего труда, отвергая тем самым все возможные претензии относительно невнимания к тем или иным сторонам жизни и деятельности Ленина. Вот только ссылка на обилие «почти одинаковых» биографий звучит несколько странно –

как бессильное признание собственной неспособности создать нечто принципиально новое при соблюдении законов биографического жанра. А по сути план автора понятен: он хочет строить свою работу по собственным законам.

Для читателя эти авторские «законы» построения книги так и останутся за семью печатями. В первом томе все еще более или менее ясно: начав с «гипотезы», Волкогонов строит повествование преимущественно по хронологическому принципу: от генеалогии семьи Ульяновых до красного террора гражданской войны. И только своего рода «вставные портреты» Плеханова и Мартова выбиваются из общего строя изложения (не делая его более логичным), да обобщающая главка «Феномен большевизма» (вместившая на 12 страницах не очень убористого текста и авторское понимание большевизма, и аргументацию – что само по себе ярко характеризует отношение Волкогонова к сложнейшим проблемам) режет глаз своей чистой газетно-журнальной стилистикой. Нельзя не заметить, конечно, и тот факт, что хронология первого тома, говоря словами Козьмы Прutкова, «подобна флюсу»: 46 лет дореволюционной жизни Ленина поместилось приблизительно на 100 страницах, следующие четыре заняли более 200. И это при том условии, что послеоктябрьскому периоду посвящен весь второй том.

Высказавшись по поводу красного террора, и не пожелав писать о нэпе, автор обрывает последовательное изложение, как бы дойдя до конечного интересующего его пункта. Во втором томе повествование принципиально ахронологично. Открывается том новой серией «вставных портретов» – Троцкого, Сталина, Бухарина, Каменева, Зиновьева, в которых основное внимание уделяется событиям 20–30-х гг., после чего следует очерк истории Политбюро – от Ленина до Горбачева. Далее разрабатывается четыре схожих по замыслу сюжета: Ленин и пролетариат, Ленин и крестьянство, Ленин и интеллигенция, Ленин и церковь (заметим, что увязать проблему отношения Ленина к церкви с проблемой его отношений с остальными социальными слоями населения можно только искусственно. С равным успехом в этом ряду можно было бы изучить, скажем, тему «Ленин и высшая школа»). В следующих главах связующая нить пропадает окончательно, и нам остается только перечислить в авторской последовательности те вопросы, к которым обращается Волкогонов: характеристика ленинского интеллекта, характеристика ленинской нравственности, Ленин и Коминтерн, отношения Ленина и Инессы Арманд, болезнь Ленина, создание мавзолея и меры по увековечению памяти Ленина, характеристика вождей Советского государства от Хрущева до Горбачева, новая характеристика Ленина и ленинизма.

В целом виде композиция книги оставляет весьма странное впечатление: отсутствие внутренней логики, беспорядочность, неуравновешенность, – вот ее основные черты. Складывается впечатление, что отпустив путеводную нить хронологического принципа и обретя желанную свободу, автор утратил всяческую опору и не знает, что со своей свободой делать. Подобное построение книги только затрудняет понимание личности Ленина, потерявшейся в море разрозненных фактов, зачастую к самому Ленину и отношениям не имеющих.

Даже там, где Волкогонов следует за хронологией, далеко не все гладко. Сразу бросается в глаза тот факт, что автор не излагает последовательно события, а исследует некоторые сюжеты, выстраивая их в хронологическом порядке, но выбирая – произвольно, в соответствии со своими внутренними задачами.

Начинает автор с истоков: с генеалогического древа семьи Ульяновых. И, странно, но, по-видимому, сам Волкогонов не считает эту тему очень уж важной для создания портрета: «я пишу об этих вещах без всякого «тайного умысла», а лишь потому, что этническая характеристика Ленина всегда тщательно затушевывалась в стремлении придать ему если не пролетарское, то хотя бы «батрацкое» происхождение» (1/44). И итог его исследования: «Предками Ленина были русский, калмычка, еврей, немка» (1/49) был бы сенсационен... если бы все это не было давно известно. Достаточно ознакомиться с книгой М. Шагинян «Семья Ульяновых» (на которую, кстати, сам Волкогонов ссылается), чтобы узнать о том же. Между тем работа Шагинян выходила в свет в городе Москве в 1982 году...

Очевидно, не историческая правда интересует автора. Ему интересно по-рассуждать о том, что у Ленина были «некие этнические потенции, которые реализовывались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий» (1/52–53). С одной стороны, «как нам удалось установить (блестящий аргумент. – Н.Д.), вождь русской революции никогда не чувствовал себя ни немцем, ни шведом, ни евреем, ни калмыком» (1/52). Итак, Ленин не чувствовал себя калмыком! – таков плод долгих и напряженных размышлений. Но мысль автора развивается: «его (Ленина. – Н.Д.) мироощущение было интернационально-космополитическим» (1/52). Не поспев заявить, что Ленин не чувствовал себя русским, автор пришел к убеждению, что, не чувствуя себя шведом или калмыком, вождь большевиков не мог не быть космополитом.

С другой стороны, Волкогонов легкими штрихами набросал логическую цепочку: у Ленина были предки евреи – Ленин говорил об исключительных способностях еврейского народа – Ленин делал «почти антирусские заявления» (1/50–51). Сюжет этот до конца не проговорен – автор прекрасно понимает, как будут звучать его выводы – однако, сама последовательная постановка этих авторских «наблюдений» в пределах одной страницы вне иной логической связи в сочетании с высказываниями об «этнической характеристике», «этнических потенциях» достаточно красноречива. Договорим за автора: этнические корни в значительной мере определяют «мироощущение» человека; наличие нерусской, в особенности еврейской, крови ведет к нелюбви к России и русскому народу. Никто не может отнять у автора права придерживаться таких взглядов, но надо иметь и смелость высказывать их до конца и называть вещи своими именами.

Тот, кто прочтет книгу Волкогонова, не сможет не заметить, что аналогичный разоблачительный характер носят все сюжеты, разработанные автором, даже такие, на первый взгляд, безобидные: об идеальных предтечах Ленина, о знакомстве Владимира Ульянова с марксизмом. В размышлениях об идеальных предтечах Волкогонов предельно схематичен и далеко не нов (как и в главке о генеалогии). Ленин живет и действует в каком-то предельно сузженном мире: семья, учеба, знакомые, книги, – вот, собственно, и все, что его окружает. России вроде бы и нет, осталось одно название, голое пространство, на котором не происходит ничего достойного внимания. Автор даже не задается вопросом, какие исторические события (за исключением казни старшего брата) повлияли на формирование личности и взглядов Ленина, ему это не интересно, да и гораздо удобнее представлять, что все эти идеи заимствованы Лениным из прочитанных книг. Об этом Волкогонов и пишет:

«Ульянов подвергался интенсивному заполнению широким спектром самых различных идей, концепций, взглядов» (1/69). И не ясно, то ли перед нами человек с «мощным интеллектом» (как то заявлено в «гипотезе»), то ли примитивный сосуд для заполнения чужими мыслями.

Метод отбора Лениным идей для «самозаполнения» сформулирован с той же ничего не объясняющей простотой: «Свой «силовой марксизм» Ульянов укреплял всем, что делало учение бескомпромиссным, жестким, радикальным» (1/71). Не беда, что не ясно, откуда взялся сам «силовой марксизм», если взгляды Ленина в момент, о котором говорит автор, все еще в стадии формирования.

В главке о знакомстве Ленина с марксизмом ответа на этот вопрос не будет, главное внимание автор уделяет характеристике уже сложившегося ленинского марксизма, и создается впечатление, что Володя Ульянов родился с предрасположенностью к идеям классовой борьбы и диктатуре пролетариата. Иного ждать не приходиться: характеристика даже самых ранних взглядов Ленина как «силового марксизма», а проще говоря – разоблачение ленинского марксизма – является, в данном случае, главной задачей автора. Все остальное здесь вторично, и особенно проигрывает Волкогонов, когда пытается встать рядом с Н. Валентиновым, рассматривая влияние Н.Г. Чернышевского на Ленина⁸.

Там, где Валентинов ищет преемственность философских и политических идей, добросовестно сопоставляет, исследует, автор находит достаточным заявить: «Ульянов хочет видеть в лице Н.Г. Чернышевского явного союзника в борьбе с либеральной буржуазией» (1/70), и, проиллюстрировав свою мысль цитатой из Ленина, поспешить дальше: разоблачать совпадение идей Ленина и С.Г. Нечаева. Конечно, Нечаев – фигура одиозная, выявить идейную связь именно с ним для автора куда важнее, чем заниматься сложными изысканиями идейных параллелей у Ленина и Чернышевского, чье имя давно привычно русскому читателю и особых негативных эмоций не вызывает.

Ярко характеризуется авторский принцип отбора сюжетов и та часть первого тома, которая посвящена деятельности большевиков после октября 1917 года. Здесь наряду с такими масштабными темами, как первые годы деятельности СНК, судьба Учредительного собрания, заключение Брестского мира и его последствия, красный террор эпохи гражданской войны, фигурируют две примечательные главки (далеко не самые малые по объему) «Грех цареубийства» и «Выстрелы Фанни Каплан?». Очевидно, что такое выделение истории гибели царской семьи и покушения на Ленина в тексте книги, в ее общей структуре, свидетельствует об особом отношении автора к этим эпизодам. И это особое отношение красноречиво говорит о зависимости автора от общего направления современной газетно-журнальной публицистики. Ни доказательство причастности Ленина к расстрелу царской семьи, ни тем более доказательство непричастности Каплан к покушению на Ленина ничего существенно нового к портрету героя книги прибавить не могут.

Стоит отметить, что и сам автор в этих примечательных главках фактически отказывается от дорисовывания портрета. Так, в трагедии царской семьи Волкогонова привлекла тема «великого греха» Ленина. Естественно, что переходя к терминам религиозным, автор отказывается от какой бы то ни было научности, но и христианское учение он понимает своеобразно. Мышление автора насквозь иерархично, для него ценность человеческой жизни сораз-

мерна социальному положению человека, что прямо противоположно христианским принципам. Конечно, гибель царской семьи – трагедия, но не большая трагедия, чем гибель любой другой семьи в огне гражданской войны. И не следует забывать, что невинной крови простых людей было пролито куда больше. Что же до определения меры грехов, то непосильную ношу берет на себя Волкогонов: не святой он, не мессия, и не следует забывать, что сказано: «Не судите, да не судимы будите...».

Более, чем истина, влекут автора возможности разоблачений, безудержная патетика: «Большевики сделали Николая Романова вечным мучеником и святым. Цареубийство – традиция варваров, продолженная большевиками» (1/388). Ни к чему помнить, что и англичане к XVII веку, и французы – к XVIII-му давно вышли из состояния варварства, что не помешало им, однако, казнить своих королей во время буржуазных революций при прокладывании буржуазной «столбовой дороги цивилизации». Одна надежда, что «красота» слога все спишет.

Логика построения книги, выбора сюжетов для обсуждения находится в полной гармонии с логикой построения отдельных главок. Возьмем для примера одну из них, «Теоретик революции» (отметив попутно, что 14 страниц для обобщения всего теоретического наследия Ленина – это весьма и весьма немногого). О чём здесь идет речь, помимо ленинских теорий? О поведении большевиков в январе 1905 г. в Женеве (1/121–122), об отношении Ленина к Гапону (122–123), о терроре 1918 г.¹²⁵, об идеях и взглядах Ленина в 1917 г.¹²⁷, о политике большевиков в 1921 г.¹²⁸, о денежных делах Коминтерна (128–129), о ленинской записке 1918 г. (129–130), о выступлении Ленина в 1918 г. (130–131), о ленинской инструкции по проведению вооруженного восстания в 1905 г.¹³¹, об отношении Ленина к Учредительному собранию (132–133), о первых документах Советской власти¹³⁵, о последствиях ленинизма (135–136). Произвольная коллекция фактов, событий, времен. И, поразительно, что поговорив обо всем, автор уверенно делает выводы именно относительно ленинского теоретического наследия.

Новое понимание историзма

Анализ «научной гипотезы» Д.А. Волкогонова, построения его работы, методики показывает, что автор многое (если не все) в исторической науке понимает по-своему. Новое определение дает он и принципу историзма. С его точки зрения это «принцип понимания, постижения давно ушедшего времени», базирующийся на «умении, способности мысленно «погружаться» в толщу десятилетий», что «позволяет не просто почувствовать неповторимый колорит и духовный климат ушедших эпох, реставрировать в сознании безвозвратно ушедшее, но и сохранить наши сегодняшние взгляды на эволюцию общества, способы движения мысли к тревожно манящим горизонтам грядущего» (1/28). Если дать себе труд задуматься над этим «определением», то окажется что витиеватость и расплывчатость авторской мысли скрывают за собой ни что иное, как принцип предельного субъективизма. Во-первых, автор отказывается от любых формальных критериев объективности исследования, предлагая читателю безоговорочно доверять его «умениям» и «спо-

собностям». Во-вторых, «погружаясь в толщу десятилетий», он ставит перед собой задачу сохранения «наших сегодняшних взглядов» и «способов движения мысли» (что именно скрывается за этими словами, сказать трудно), даже не предусматривая возможности того, что изучение конкретной исторической действительности может повлиять на взгляды историка. Соблюдая подобные «принципы», можно лепить из исторического материала все, что душе угодно, а потому за работой историка-субъективиста весьма интересно наблюдать, так же, как за работой скульптора: есть сырой материал, есть замысел — и из хаоса возникает творение. А сходства с презренной натурой может и не быть.

Вот, к примеру, Волкогонов изучает взгляды молодого Владимира Ульянова: «Ульянов ни разу не подверг сомнению социально-политическую концепцию марксизма, основанную в конечном счете на насилии, ставке на силовое разрешение любых противоречий в интересах одного класса... Молодой социал-демократ не засомневался в исторической порочности и ограниченности силовой методологии созидания нового общества» (1/76). Это — тезис (хотя и не свободный от некоторых дефектов «красноговорения» — «не засомневался в исторической порочности» — значит, считал порочной? Так ведь, по-русски?).

А вот и аргументы: «нет почти ни одного совещания» Политбюро, «где бы не рассматривались меры по ужесточению диктатуры пролетариата»; и следуют примеры из деятельности Политбюро в 1921 — январе 1922 (1/77—78). Все смешалось — теоретические взгляды 20-летнего еще недоучившегося студента Владимира Ульянова иллюстрируются примерами из практической деятельности 50-летнего В.И. Ленина, главы государства, находящегося в состоянии гражданской войны.

Вот другой тезис: «...ленинская идея “федерация сверху” в конце концов в условиях тоталитарного государства приведет к возможности наказания целых народов, их депортациям, лишению общечеловеческих прав. Ленинская ставка на разрушение губернского деления и искусственное образование национальных единиц в условиях отсутствия демократии лишь аккумулировала национальное недовольство народов, рано или поздно разрушивших Союз, созданный большевиками» (1/249). Не трудно догадаться, что в качестве иллюстрации (подменившей аргументы) приведена ссылка татар в 1944 г. (1/249). В который раз приходится сталкиваться с такой логикой: раз Ленин внес что-то новое в национальную политику, то все последующие события — результат его деятельности. Но, если уж, авторский «историзм» не требует изучать каждое явление в единстве его возникновения, развития и изменения, то все же некоторые вопросы не мешало бы себе задавать. Например: неужели в условиях предельно централизованного унитарного государства, коим являлась Российская империя до 1917 года, труднее было бы, при наличии прочих необходимых условий, осуществить депортацию народа, чем в условиях «федерации сверху»? И если нет, то какое тогда отношение ленинская идея имеет к сталинским преступлениям?

Далее в тексте книги сопоставление, а точнее, отождествление Ленина со Сталиным будет встречаться все назойливее, даже там, где его, казалось бы, и вставить некуда. Например, автор повествует о I Всероссийском съезде крестьянских депутатов — май 1917 года (да простит нас читатель за длинную цитату — логику автора, его «историзм» надо схватывать целиком): «Выступ-

пая на съезде крестьян, Ленин рисовал идиллические картины: «Это будет такая Россия, в которой будет вольный труд на вольной земле». Забегая вперед, в послеленинские дни, мы знаем, что ни «вольного труда», ни «вольной земли» не будет. Реализуя кооперативный план вождя через десятилетие с небольшим после «социалистической» революции, ленинское Политбюро будет принимать самые жесткие постановления, с помощью которых превратит крестьян в крепостных XX века. Так что о «вольном труде» по достижении главной цели – захвата власти – вспоминать большевики больше не будут» (1/252). И любопытно – пытаясь дезавуировать ленинские обещания весны 1917 года, автор забегает сразу в «послеленинские», а точнее – в сталинские, дни.

Конечно же, не с руки вспоминать Декрет о земле, осуществление социализации земли, когда крестьяне действительно получили землю, возможно, впервые в российской истории, «вольный труд» времен нэпа. К чему все эти исторические частности, раз они нарушают «наши сегодняшние взгляды на эволюцию общества», противоречат мифам господствующей идеологии? К тому же обратим внимание, с какой ловкостью автору удалось приторочить к политике коллективизации (которая и сама-то неизвестно откуда выплыла в тексте в данном месте) два замечательных тезиса: «коллективизация есть реализация ленинского кооперативного плана» и «главной целью большевиков был захват власти». Тезисы первостепенной важности, но никак не аргументированные – не время и не место для их аргументации – повторяются таким образом не раз и не два, внедряются в сознание читателя, и в конце оказывается, что аргументации они не требуют вовсе. Возможно, такой способ доказательства следовало бы назвать доказательством через навязчивое многократное повторение, но изобретением автора его назвать нельзя – давным-давно он был взят на вооружение массовой пропагандой и по сей день используется повсеместно.

В главке о Сталине Волкогонов цитирует многочисленные ленинские записки, связанные с террором гражданской войны, сопоставляя их со сталинскими резолюциями 30-х годов (2/42–44). Рождается один из основополагающих выводов: «Социальная методология Ленина и его последователя основана на неограниченном насилии. В политическом почерке Сталина видно много ленинского: уверенность в себе, убежденность в безгрешности, абсолютная вера в универсальность диктатуры пролетариата, пренебрежение к людям, готовность оперировать «массами», осторожность и коварство, беспощадность. Духовным отцом Сталина был Ленин...» (2/44). В который раз приходится отмечать любовь автора к следующей логике: один писал «расстрелять», другой писал «расстрелять» – и, значит, оба думали одинаково.

В который раз не задаются элементарнейшие с точки зрения профессионального историка, да и любого непредвзятого, здравомыслящего человека, вопросы: кого и за что – расстрелять? (ведь есть же, в конце концов, разница между расстрелом виновного и невинного, между казнью ради предотвращения дальнейшего кровопролития и казнью ради укрепления личной власти); в какое время писались эти записки, накладывались резолюции? Делать столь громкие выводы о сходстве двух людей на основании внешнего сходства их действий, с корнем выдрав их поступки из той исторической ситуации, в которой они совершались, даже не попытавшись разобраться в их причинах, вряд ли уместно.

Для завершения темы – последний пример нового «историзма», пронизывающего всю книгу. Главка «Обманутый гегемон» должна, по замыслу автора, раскрыть тему «Ленин и пролетариат». Построена она просто: вот выскачивания Ленина о пролетариате и его роли в будущем обществе, а вот их реализация. И все было бы правильно и хорошо, если бы не одна маленькая деталь: все конкретные факты, характеризующие положение рабочего класса в России, приведенные Волкогоновым, все до единого, относятся к 30–40-м годам! Автор «доказал», что Сталин был духовным наследником Ленина (мы видели, как это делается), и теперь просто приравнивает сталинские деяния к ленинским: дескать, Ленин не успел, Сталин – доделал.

Когда происходит отказ от анализа каждого явления в единстве всех его сторон, от принципа историзма, это не может быть случайной ошибкой, недосмотром. Д.А. Волкогонов прекрасно сознавал, какие претензии к его труду могут быть предъявлены, и постарался заранее на них ответить: «Конечно, можно сказать, впрочем, и говорят, что «время было такое», что надо «смотреть на вещи в контексте исторической обстановки» и т. д. Нет, все это далеко не так.

Есть универсальные и вечные категории Добра, Справедливости, Свободы, которые были «в цене» всегда» (1/84–85).

Приятно созерцать исследователя, обретающего новую веру. Вырвавшись за пределы ранее любезных сердцу производительных сил и производственных отношений, он с легкостью оперирует новыми понятиями – «добро», «справедливость»... И не иначе как «чудаком» назовет он Платона, писавшего длиннейшие диалоги, на страницах которых Сократ и Пифагор (тоже, казалось бы, умные люди были, а оплошали!) боятся-боятся, не могут выяснить, что же такое «справедливость». А мы на радостях забыли, что «универсальными» и «вечными» категории «добра», «справедливости», «свободы» могут быть только для того, кто истории человеческой не знает, кто в наивности святой полагает, что испанские католики времен Торквемады и индейцы до-колумбовой Америки понимали под «справедливостью» одно и то же. И даже если отставить в сторону всяческие исторические и этнографические параллели, то окажется, что в жизни человека любое добро, любая справедливость и несправедливость всегда конкретны. В абсолюте этими категориями может оперировать либо оторванный от жизни философ, либо – Господь Бог.

Различение добра и зла в реальном земном мире – труднейшая философская проблема, которая может казаться простой только тому, кто не пожелал задуматься над ней, только тому, кому выгодно ее простое и одностороннее решение. Можно напомнить, что у русского философа И.А. Ильина (который к марксизму отношения не имеет и в любви к большевикам заподозрен быть не может) есть специальная работа «О сопротивлении злу силугою», в которой он пытается подойти к ответам на те вопросы, которые, к сожалению, для многих просто не существуют: «Так слагается один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями – вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность и притом вести эту борьбу нелучшими средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным. Вести государственную борьбу со злодеями есть дело необходимое и духовно верное; но пути и средства этой борьбы могут быть и бывают вынужденно неправедные»⁹.

И что же, как не изучение «конкретной исторической обстановки», может отделить «лучших людей» от «злодеев»? Каким еще путем на земле можно отделить добро от зла? Только Тот, кто находится вне земной жизни, может судить людей с позиций вечных ценностей, с позиций Добра и Зла, быть Высшей Судией. Иные попытки занять этот Престол нелепы, если не сказать больше...

Иллюзия доказательности

Нам уже приходилось мельком обращать внимание читателя на утверждение «как я установил». Порою автору даже хочется верить, и факт, что Ленин не чувствовал себя калмыком и шведом, «установленный автором», мало кто в наши дни возьмется не только оспаривать, но и просто обсуждать. Однако, аргументы такого типа для Волкогонова не исключение, а правило.

«Думаю, что именно экспроприации на каком-то этапе дореволюционного развития были одним из основных источников пополнения партийной кассы...» (1/104). Не будем спорить с автором, тем более, что формулировка выглядит весьма расплывчатой: «на каком-то этапе», «одним из основных»... Но заметим, что слово «думаю» подменяет собой аргументацию. Ни слова не будет сказано о том, почему автор думает именно так, а не иначе, не будет произведена даже приблизительная прикидка тех средств, что пополнили большевистскую кассу в результате экспроприации, и уж тем более – доли этих средств в бюджете РСДРП (б). Остается одно только слово «думаю», намекающее – у автора были некие основания для такого умозаключения.

И удобное это словечко превращается в палочку-выручалочку Волкогонова, когда фактов явно не хватает: «Думаю, чувство страха Ленин испытал и при переходе после июльское выступления на осадное положение» (1/266). Ссылка на записку, в которой Ленин обращается к Каменеву с просьбой в случае его гибели опубликовать написанные главы из книги «Государство и революция», звучит неубедительно (можно допустить, что для автора осознание опасности равносильно страху, но вообще это не правило), «думаю» же спасает. А страницей ниже автор уже рассуждает о ленинском страхе, как о чем-то всем известном, и приходит к характерному выводу: для Ленина «личная безопасность – превыше всего» (1/267). Ничем не подтвержденное мнение исподволь становится незаменимым кирпичиком при построении выводов, преподносимых как плод научного исследования.

Нам уже случалось говорить о том, как Волкогонов подбирает факты для подтверждения своих суждений. В тексте есть длинная цитата из Троцкого, в которой приводятся такие слова Ленина: «Надо отсрочить выборы (в Учредительное собрание – Н.Д.)... Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне. Корниловцев, кадетов надо объявить вне закона» (1/315). Следует авторское резюме: «Взвешивая все “за” и “против”, Ленин однозначно стоял за “разгон” Учредительного собрания» (1/316). Позиция Ленина, по Троцкому, разительнейшим образом отличается от той, которую приписывает Ленину Волкогонов, опирающийся на того же Троцкого! Объяснение может быть только одно: ав-

торские выводы предшествовали написанию книги, они иллюстрировались цитатами из источников, и по невнимательности, в спешке в текст могла попасть цитата, автору противоречащая, хотя и поданная как неоспоримое доказательство его правоты.

Автор рассуждает о красном терроре: «Главным аргументом оправданий террора большевиков было постоянное утверждение Ленина: это в интересах пролетариата. Как будто есть разница: отобрать жизнь у человека во имя какого-то класса или против него?.. Нетрудно видеть, что эта аргументация абсолютно несостоятельна ни в правовом, ни в нравственном отношениях; так можно оправдать любое преступление, если представить его осуществленным в “интересах пролетариата”! (А почему и не в интересах какой-то группы?)» (1/330–331). В середине этого пассажа стоит цитата из Ленина: «...Советская власть применяет решительные меры против помещиков, мародеров и их прислужников – в интересах рабочих, солдат и крестьян» (1/330). Почему же у Волкогонова речь идет только об интересах пролетариата, тогда как у Ленина – об интересах большинства населения страны? Да потому, что это необходимо для уничтожающего решающего вывода: «Демонстративное же подчеркивание первенства, верховенства, приоритетности рабочего класса над другими социальными слоями населения, особенно над интеллигенцией, выглядит как откровенный социальный расизм» (2/139). (Заметим: «социальный расизм» – звучит сильно, но на деле не означает ровным счетом ничего. Этими словами можно с успехом характеризовать ситуацию в любом классовом обществе). Автор как будто не желает вдумываться смысл приводимых им ленинских слов, и это для него – норма. Конкретная историческая действительность, даже разодранная на иллюстрации по произволу Волкогонова, все равно прорывает жесткие рамки авторской концепции.

Порой для этой исторической действительности и места в книге не остается. Автор закрывает бреши в своих построениях, отлучая читателей от непосредственного знакомства с документальными свидетельствами, подавая один лишь переработанный материал. В этом смысле характерна главка, посвященная убийству царской семьи. Волкогонов рассказывает «наиболее вероятную версию» событий 16–17 июля 1918 года, неоднократно подчеркивая, что вождь большевиков уже знал о принятом решении ликвидировать царскую семью в ночь с 16-го на 17-е, знал о том, что придумана версия о подготовке белогвардейцами нападения на ипатьевский дом, знал, что из Москвы в Екатеринбург передано указание «закрыть вопрос» – и все это без единой ссылки на источники (1/368–369)! И основана «версия» на фактах, скрытых от читателей, и степень ее «вероятности» проверена где-то за кулисами: автору хочется, чтобы ему верили на слово: «...К судьбе царя высшие органы советской власти возвращались не раз. Все сходились, что необходим публичный суд. Но большое количество убедительных данных (курсив мой – Н.Д.) говорит о том, что большевистские руководители понимали, что с помощью суда (и “законной расправы”) они могут “решить вопрос” только в отношении четы Романовых. А сын, дочери? Мучительно искался вариант ликвидации всех прямых носителей династии без открытого вмешательства центральных властей» (1/377). «Убедительных данных» в расположении автора оказалось слишком много, и не хватило места, чтобы их привести – так, кажется, надо понимать Волкогонова? Вера автора в весомость собственного слова поражает: достаточно ему сказать, что есть у него данные – и любая

конкретизация становится излишней. А далее следует характерная для Волкогонова формулировка выводов: «Все сказанное позволяет утверждать...» (1/377). И «наиболее вероятная версия, и рассуждения, основанные на «большом количестве убедительных данных» плавно переходят из разряда домыслов и предположений в разряд доказательств, сомнению не подлежащих.

Авторская эксплуатация читательского доверия не знает меры. Кажется – мелочь: «Факт вызова Зиновьева и Каменева в Кремль в начале следствия мною установлен» (2/67). (Вероятно, даже не стоит уже замечать, что никаких ссылок на источники или литературу автор в таких случаях не делает.) Можно даже поверить, что факт действительно «установлен» – но сама фраза звучит по меньшей мере некорректно, тем более когда знаешь, что не все, очевидное для автора, очевидно на деле. «Готовя книгу «Ленин», я документально установил (курсив мой. – Н.Д.), что пример лидера большевиков для Сталина оказался заразительным...» и после неудач летней кампании 1941 года он пытался ценой значительных территориальных уступок заключить мир с Гитлером (2/109–110). Всякое возможно, но слова «документально установил» аргументом быть не могут. Волкогонов цитирует несколько строк из документа непонятного происхождения, не называя ни сам документ, ни его дату; о критическом анализе его подлинности и значения приходится только мечтать. Но этого мало, автор «документально установил», что пример Ленина оказался для Сталина «заразительным».

Желание автора, чтобы ему верили на слово прослеживается постоянно: «...более внимательное знакомство с творчеством Бухарина и уже более спокойное отношение к “открытиям” трагического прошлого позволяют с огорчением сказать: идеи Бухарина мало чем отличались от официальной линии» (2/79). И уже не удивляет, что «более внимательное знакомство» в данной книге никак не отразилось, автор ссылается только на три книги Н.И. Бухарина, провозгласив, правда, одну из них «квинтэссенцией взглядов Бухарина-теоретика» (2/72) («шестьдесят страниц бухаринской работы достаточно полно дают ответ о содержании его теоретических взглядов» (2/70)). Конечно, удобный способ – судить о взглядах теоретика на основании одной его малоизвестной популярной брошюры и при этом рассуждать о более глубоком знакомстве с его творчеством. Только при монополии на изучение какой-то темы возможен этот вариант, но монополии – вот беда – не существует.

Американский историк С. Коэн включил в избранную библиографию своей книги о том же Н.И. Бухарине 64 книги и статьи своего героя, что как раз и позволяет говорить о достаточно глубоком знакомстве с творчеством. Правда, выводы Коэна противоположны утверждению Волкогонова, взгляды Бухарина он рассматривает как реальную альтернативу сталинизму¹⁰, всесторонне обосновывая свою оценку. Само собой, Волкогонов об этом не вспоминает, его не интересуют не согласующиеся с его концепцией мнения других историков. Что же касается научной добросовестности, то отметим попутно небольшой штрих – в избранной библиографии в книге Коэна – 466 работ, у Волкогонова, по нашим подсчетам, использовано не более 200, и это при том, что в монографии о Ленине разрабатывается ряд крупнейших вставных сюжетов, охватывающих едва ли не всю послереволюционную историю России.

«Как я документально установил», «как я смею утверждать», «я думаю», «я глубоко убежден», «как автор книги выскажу сомнение», «по имеющимся данным», «по моим данным», «я думаю и даже убежден», «повторяюсь, но

скажу» – все эти слова и выражения каждый раз, когда автор начинает испытывать, затруднения с «доказательствами», приходят ему на помощь и заменяют научные аргументы. Отсутствие ссылок на архивные или иные источники в таких случаях кажется уже чем-то само собой разумеющимся. Бесконечные указания на некие, скрытые от читателя, знания сочетаются с постоянным подчеркиванием собственного места в исторической науке. Трудно даже припомнить книгу, в которой так бесконечно и так навязчиво звучало бы слово «я». Завершается же все «философским» пассажем: «Мною замечено, что человеку на этом свете всегда не хватает одного, последнего темпа: частной удачи, еще одного земного шага, правильного решения, предвидения конкретного события» (2/451). Это очень смело – ставить под таким «жизненным наблюдением» свою подпись – «мною замечено». Какому студенту не известно, что перед экзаменом всегда не хватает одной ночи?

Цитата как материал для творчества

Волкогонов максимально насытил свою книгу фактическим материалом, цитатами, ссылками, не без основания полагая, что тысячекратно подчеркнутая «документальность» его книги загипнотизирует читателя, искупит в его глазах научную некорректность. Неискушенный читатель привык доверять печатному слову, ему и в голову не может закрасться сама мысль, что некоторые цитаты не мешало бы проверить; однако, нам без этого не обойтись.

Недоверие начинается с малого. Волкогонов рассуждает о «сдержанном и благородном» поведении А.Ф. Керенского по отношению к Ленину, подтверждая свои слова цитатой из воспоминаний В.Д. Набокова (1/236). Что-то заставляет взять в руки том «Архива русской революции» – и оказывается, что на указанных автором страницах речь идет о «безобразной и нелепой выходке» Керенского по отношению к П.Н. Милюкову, что все слова, Волкогоновым заключенные в кавычки, представляют собой весьма вольный пересказ Набокова, вольный до такой степени, что Терещенко превратился во Львова¹¹.

Естественно, сверить все цитаты, приводимые автором, невозможно, да вряд ли это и нужно. Способы авторского цитирования можно разобрать на одном примере – на обращении с текстом работы Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».

С непонятной легкостью автор заменяет словечко-другое в тексте Бердяева. Он цитирует: «И Россия действительно была сколочена (разрядка моя – Н.Д.) по образцу организации большевистской партии (1/121). У Бердяева звучит проще: «организована»¹². Другой пример: автор борется с утверждением, что Ленин – крупнейший философ XX века (хотя бороться тут не с кем, давно никто об этом не говорит). И опять в помощниках у него Бердяев, вновь подправленный. У Бердяева: «...Ленин прочел целую философскую литературу»¹³; у Волкогонова «целую» заменилось на «разную» (2/246). А уж на замену «мироздания» на «мировоззрение» и внимания обращать не стоит (там же).

Но дальше – больше. Автор решил подкрепить словами Бердяева свою мысль: «Ленин создал партийно-государственную систему, которая стала быстро создавать новый тип человека» (1/145). И, в самом деле, Бердяев пишет

о «перевороте в душе народа», но как о перевороте, к которому «партийно-государственная система» не имела ни малейшего отношения. Вне внимания Волкогонова остались слова: «Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это мировое явление, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме»¹⁴.

Потому и цитату, приводимую в тексте, автору пришлось укоротить – вот как ее концовка должна выглядеть в полном виде (слова, опущенные Волкогоновым, выделены): «Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не желал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся. Это типический процесс. Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность»¹⁵. «Типический процесс» Бердяева в умелых руках Волкогонова обратился в личное творение Ленина.

Небрежность в обращении с бердяевским текстом странным образом сочетается с глубоким почтением на словах. Волкогонов пишет о «глубокой духовной характеристики Ленина», сделанной Бердяевым с «тонкой наблюдательностью» (2/232). Более того, он эту характеристику приводит..., забыв упомянуть, что сократил ее на три четверти. И поэтому совсем не странно, что выброшенными оказались именно те мысли философа, которые противоречат авторской концепции: «В нем (Ленине – Н.Д.) черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство»; «Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком»; «он не верил в человека, но хотел так организовать жизнь, чтобы людям было легче жить, чтобы не было угнетения человека человеком»¹⁶. Видимо, «тонкая наблюдательность» временами изменяла Бердяеву, и только излишняя скромность не позволила автору прямо сказать об этом.

Автор не только не стесняется сокращать Бердяева, упрощая его мысли в соответствии с собственными «гипотезами», но и просто вырывает из контекста отдельные фразы. «Классовая апологетика доведена Лениным до социального расизма. Свои собственные взгляды Ленин с поразительной настойчивостью внедрял в своей партии, а с ее помощью распространял и в Советской России. «Это и есть, – писал Бердяев, – диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин» (2/248). И не важно, что там, откуда автор столь успешно выдral цитату, ни о какой «классовой апологетике», и тем более, ни о каком «социальном расизме» речи нет. Бердяева в данном конкретном случае интересовала не суть ленинского мировоззрения, а принципы организации партии и ее власти, так же, как и глубокие корни этих принципов: «Ленин отрицал свободу внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию. Это и есть диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин. Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции – традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях»¹⁷. Как мы уже отмечали, бердяевский подход к изучению истоков и источников ленинизма прямо противоположен подходу Волкогонова.

«...Необузданная, непримиримая враждебность Ленина к своим оппонентам выплескивается из каждого письма. Читая эти послания, невольно вспоминаешь суждение Бердяева о стиле большевистского вождя: «Ленин был почти гением грубости...» (2/461). И следуют многочисленные примеры ленинских ругательств из статей и писем. Все хорошо и складно. Только вот одно маленько «но»: Бердяев действительно писал о грубости Ленина, но вовсе не о той бытовой грубости, которую смакует Волкогонов. «Ленин очень огрубил идею Маркса о религии, как ленинцы огрубли идеи самого Ленина. Ленин был почти гением грубости – таков его стиль»¹⁸. И ни о чем другом, помимо отношения Ленина к религии (а этот вопрос, конечно, интересовал Бердяева гораздо сильнее, чем всякие полемические излишества), здесь речи нет.

Жизненный путь автора, содержание его предшествующих работ – слишком удобная мишень для критики, и говорить о них было бы как-то неудобно – если бы не постоянные напоминания самого Волкогонова. Своеобразно трактованная тема «покаяния» пронизывает книгу. «На опыте собственной судьбы человека, прошедшего мучительную эволюцию взглядов от сталиниста, через долгую марксистскую ортодоксию к полному отрицанию большевистской тоталитарности, скажу, что бастионы ленинизма в моем сознании пали последними» (1/11). Но личное раскаяние для автора – не главное, он торопится раскаяться за всех. «Все мы до недавнего времени верили...» – это утверждение в разных вариациях повторяется с удивительной настойчивостью¹⁹. И не на покаяние это похоже, а на стремление уйти от ответственности, переложить ее на других, поделить на всех. «...Ленин с помощью правоверных ленинцев (надо понимать, что Волкогонов к их числу не относился. – Н.Д.) формировал у нас катехизисное, цитатное мышление» (1/12). «Катастрофу стали (автор опять не причем. – Н.Д.) выдавать за великое свершение. Поражение собственной страны – как огромное революционное достижение. В результате этой «перевернутости» возникло одномерное общество с одномерной личностью» (2/134). Поразительная легкость в отделении себя от своего времени! Вчера – катехизисное, цитатное мышление, одномерная личность, а сегодня – так надо понимать? – все изжито, исполнин духа? «Мы засомневались в безгрешности вождя прежде всего потому, что «дело», которое он начал... потерпело крупное историческое поражение» (1/10). Как мало надо, чтобы из одномерной личности превратиться в многомерную – достаточно положить руку на пульс истории и колебания вместе с линией партии вовремя сменить на колебания вместе с линией нового руководства...

Будем справедливы, «катехизисного мышления» в книге Волкогонова нет. Нет и самого «катехизиса». А есть всего лишь «авторская концепция», такаяозвучная времени, и доказывается она всеми доступными средствами: иллюстративным подбором фактов, навязчивым повторением никак не аргументированных утверждений, искажением буквы и смысла цитат.

Какой это бесценный дар – умение подгонять великое к своей, малой мерке! Всем памятно стихотворение «Скифы» с его резким противопоставлением России и Европы – «мы» и «вы»:

Мы любим все – и жар холодных чисел,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Не один литературовед остановится в изумлении перед такой интерпретацией этих строк: «Как писал А. Блок, человеку в этом бренном мире доступны “и жар холодных чисел, и дар божественных видений”, свойственны способность глубокого интеллектуального проникновения в суть загадочного бытия и прекрасные эмоциональные взлеты» (2/234). Превратить поэзию Блока в пошлость – это доступно далеко не каждому. Невольно вспоминается ленинская «грубость», а также некое человеческое свойство перенимать в первую очередь все дурное – и превосходить своих учителей.

О «картежной терминологии» и не только о ней

Оказывается, чтобы вспыхнул гнев, достаточно самых невинных ленинских слов: «Все будущее русской революции поставлено на карту...».

Автор, с рвением следователя, вчитывающегося в документы подозреваемого, как истинный борец за благородство и красоту русского языка снести эти слова не может: «Картежная терминология в который раз убеждает: Россия для большевистских вождей огромный игорный стол, из-за которого они намерены вытолкнуть лидеров других политических сил и монопольно-единолично решать судьбы русского народа» (1/275).

Что ж, Волкогонов имеет полное право считать, что употребление «картежной терминологии» характеризует внутренний мир человека – выражения типа «блестяще разыграть карту» (1/139) и «использовать последний козырь» (1/337) не чужды ему самому. Но нас заставляет упоминать о карточной игре то прискорбное обстоятельство, что волкогоновский метод исторического исследования имеет вполне определенное имя – «подтасовка фактов». А кроме того, некоторые особенности авторской методологии заставляют нас говорить и о «передергивании».

«Неаккуратность» Д.А. Волкогонова при цитировании несравненно возрастает, когда он обращается к архивным источникам. Например, речь идет об отношении Ленина и партии большевиков к интеллигенции. Автор пишет, что любовь Ленина к театру не помешала ему «поддержать идею закрытия Большого театра. Политбюро ЦК не раз рассматривало этот вопрос и высказывалось в том же духе» (2/176). Следует ссылка на архив. В указанном деле, в протоколе совместного заседания Политбюро ЦК и Центральной проверочной комиссии от 17 января 1922 года действительно присутствует вопрос о Большом театре: Слушали: «О закрытии Большого театра». Постановили: «Просить ВЦИК рассмотреть заявление т. Луначарского по существу»²⁰. И ни единого слова более. Только богатая художественная фантазия автора могла дорисовать происходившее на заседании и истолковать скучные канцелярские выражения как поддержку идеи закрытия театра.

Мягко говоря, «вольное» обращение Волкогонова с фактами – дело для него самое заурядное. Вот один из самых эффектных моментов в книге – рассказ о голоде 1921/1922 годов. Для автора – это повод в очередной раз порассуждать о нелюбви Ленина к России и поужасаться, как «жутки» большевики. Оказывается, правительство Советской России только мешало благотворительным организациям оказывать помощь голодающим. «Когда Ленин ознакомился с одной из резолюций комитета (Всероссийского комитета помощи

голодающим – Н.Д.), требовавшего направления его уполномоченных в губернии, то на документу просто начертал: В архив. «Кукиш», его резолюция» (2/206). Ссылка на архии точна, и документ такой есть, и резолюция ленинская есть, только вот содержание документа несколько иное: Помгол возражал против требования большевистского правительства немедленно направить уполномоченных на места для непосредственной борьбы с голодом, настаивая на том, чтобы предварительно за границу была выпущена делегация комитета²¹.

В другом месте Волкогонов решил подтвердить свои слова о «советских рогатках» и «коммунистических препонах» на пути зарубежной благотворительности: «Сохранилось много (курсив мой – Н.Д.) документов за подписями Сталина, Троцкого, Каменева, согласно которым благотворительным американским организациям чинились всяческие препятствия: ограничения в объеме на передачу продовольствия частным лицам и организациям, взимание денег за их провоз по российским дорогам, за использование складов и т. п.» (2/161). В деле, на которое при этом ссылается автор, действительно есть один (!) документ, касающийся взаимоотношений большевиков с американской благотворительной организацией АРА: записка Каменева членам Политбюро о заключении соглашения с этой организацией. В записке, в частности, говорится: «Мы имеем право ЗАДЕРЖАТЬ (без апелляции) любую выдачу, если она превышает 50 долларов для частного лица или 500 для организации (больница, муниципалитет). Мы предоставляем им БЕСПЛАТНЫЙ ПРОВОЗ ОТ ГРАНИЦЫ ДО РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СКЛАДОВ». (Сразу же отметим, что Волкогонов слишком вольно толкует ограничение размеров выдачи в одни руки как препону для работы организации – гораздо вероятнее, что за этим условием стояло вполне понятное стремление большевистского правительства гарантировать равномерное распределение помощи среди голодающих). А еще на этом документе сохранились три весьма любопытные резолюции. «Согласен. Троцкий». «...Предлагаю: 1) от пошлин и налогов освободить ввозимые продукты, за провоз брать плату на общих основаниях; 2) помещения для складов предоставлять за плату. И. Сталин. 18. X». Последним расписался Ленин: «Согласен. 19/X Ленин (...мы должны сделать этот опыт, ибо нам дают чистую прибыль голодающим и право контроля, и право отказа за 3 месяца. Поэтому брать плату за провоз и за склады не следует)»²². Мало того, что автор выдал один документ за «много», он еще и извратил его смысл, выдал частное мнение Сталина, с которым не были согласны ни Ленин, ни Троцкий, ни Каменев, за коллективное решение большевиков. Между тем, этот документ прямо противоречит авторской «концепции». Цель Волкогонова – постоянно представлять Сталина верным ленинцем (все сталинские резолюции, безапелляционно утверждает Волкогонов, «ленинские по духу» (2/42)). В данном же случае видно, что подходы Ленина и Сталина к решению политических проблем расходились как раз там, где автор желает видеть их сходство.

«Разоренная деревня, – пишет Волкогонов, – не в состоянии была прокормить страну. Во многих губерниях начинается голод. Мизерное количество хлеба получают рабочие городов. Тем не менее государство продолжает продавать хлеб за границу. В конце 1920 года НКИД предлагает, например, “послать в Италию вторую партию хлеба”. ЦК решает: “признать политически необходимым дать Италии еще некоторое количество хлеба. Точное опреде-

ление количества хлеба и условий его отправки поручить установить Комиссию по продовольствию и НКВДТоргу". Голодают тридцать шесть миллионов человек; ежедневно умирают от недоедания многие тысячи людей. А Политбюро под председательством Ленина 7 декабря 1922 года принимает поистине преступное решение: "Признать государственно необходимым вывоз хлеба в размере до 50 миллионов пудов"» (2/159). Одну незначительную деталь забыл упомянуть автор — время голод. Напомним: голод в России разразился в результате страшной засухи 1921 года, первые признаки грядущего неурожая появились не ранее весны; осенью 1922 года, после того, как был собран новый урожай, намного более богатый, чем во все предыдущие послереволюционные годы, о голоде не могло идти и речи²³. Таким образом, если посыпку хлеба в Италию в конце 1920 года еще можно с грехом пополам объявить государственной недальновидностью, то продажа хлеба за границу в декабре 1922 года отношения к голоду не имеет, ибо невозможно накормить сегодняшним хлебом людей, голодающих год назад.

Метода г-на Тенардье

Монфермельский трактирщик г-н Тенардье, лицо известное в литературном мире, однажды в порыве откровенности поведал о своем золотом профессиональном правиле: «ставить в счет окно открытое, окно закрытое, угол около очага, кресло, стул, табурет, скамейку, перину, матрац, охапку соломы; знать, насколько повреждают зеркало отражения гостей, и брать за это деньги, и, черт подери, любым способом заставить путника платить за все, даже за мух, которых проглотила его собака!» Как человек далекий от немеркантильных интересов, г-н Тенардье никогда не смог бы себе представить, что когда-нибудь его метода будет с успехом применена историком, поставившим перед собой задачу обвинять и выносить приговор от лица истории и Высшего Судии.

Книга Волкогонова, по сути дела, представляет собой длинный мелочный счет, выписанный Ленину. Все включено — и «картежная терминология», и «заразительный пример», и преступления Сталина, и застой времен Брежнева. Все негативное, отталкивающее в истории Советского государства, что только можно было найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину. И не беда, что для доказательства причастности Ленина ко всем бедам России не хватает фактов — аргументы подменила пламенная речь уверенного в собственной правоте «патриота-демократа». И стиль был выбран соответствующий: вычурный, с претензией на красивость и, одновременно, на философскую глубину. (Фраза «германские войска, как жирное масляное пятно по грязной, изорванной российской скатерти, расплывались все шире...») (1/338) достойна пера незабвенного В. Пикуля, с его бессмертным: «Корабль вертелся, как плевок на раскаленной сковороде».) Гармония формы и содержания достигнута. Избери автор традиционный научный стиль — и вся его беспомощность как историка тотчас вышла бы наружу. Г-н Тенардье, имей он хоть малейшее представление об исторической науке, не смог бы скрыть зависть при виде столь блестящего применения его методы.

Конечно, официальные биографы Ленина советского периода были не более объективны, чем Волкогонов, однако, не следует забывать, что принудительная сила господствующей идеологии не позволяла им писать иначе.

Мы вправе задать себе недоуменный вопрос: почему создаются подобные книги, почему получают они столь широкую рекламу в прессе и на телевидении? Ответ будет прост и зозвучен времени: потому что это выгодно. Выгодно, ибо волкогоновская книга за счет эксплуатации еще не до конца угасшего доверия читателя к печатному слову, к самому имени ученого-историка (не автора конкретно, а ученого вообще) призвана внедрить в массы некоторые идеи, весьма важные для правящей «демократической» верхушки. Выгодно, ибо данная книга просто обречена стать популярной. Она обязательно найдет (и уже нашла) своих сторонников среди читателей интеллигентных – среди тех, кто не способен воспринимать ее критически, поскольку заранее согласились с «авторской концепцией» и радостно принимают любые доводы в ее защиту. Но не для этих людей – их не надо ни в чем убеждать – писал Волкогонов. Он творил для потребителей массового исторического чтива, для не-прихотливых любителей исторических сенсаций, для почитателей бульварной прессы. Он уже не историк, он почти романист. Как заметил Дон-Аминадо, «от лжесвидетельства к беллетристике – один шаг».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В двух книгах. Кн. 1. – М., 1994.

² Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В двух книгах. Кн. 2. – М., 1994.

³ Чадаев П.Я. Сочинения. – М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 174.

⁴ Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 10. – М., 1978. С. 272.

⁵ Чадаев П.Я. Сочинения... С. 172.

⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. – М., 1990. С. 93.

⁷ См. например: Извольский А.П. Воспоминания. – М., 1989. С. 38–43.

⁸ См. статью Н. Валентинова «Чернышевский и Ленин» в кн.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... – М., 1993. С. 495–535.

⁹ Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. С. 124–125.

¹⁰ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. – М.: Прогресс, 1988. С. 455.

¹¹ Архив русской революции. В 22-х тт. Т. 1/2. – М., 1991. Т. 1. С. 22–23.

¹² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 99.

¹³ Там же. С. 97.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 102.

¹⁶ Там же. С. 95–96.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Там же. С. 131.

¹⁹ См., например: 1/11, 12; 2/131–133, 337, 372, 454 и т. д.

²⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 253. Л. 2.

²¹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 20449. Л. 2.

²² РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 21444. Л. 1.

²³ См. об этом, например: Карр Э. История Советской России; Большевистская революция 1917–1923. Т. 2. – М., 1989. С. 225–226, 232. (Если уж не доверять советским историкам...).